

ГОД ТЕАТРАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

немного приобрел, поставив такие пьесы, как «Смертный приговор»

ЕЩЕ рано говорить в полном объеме о работе драматического театра им. Луначарского—ведь театральный сезон не закончен. Но уже теперь очевидно, что год, прошедший со дня встречи руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией, принес в жизнь артистического коллектива немало благотворного и нового.

Известно, что наш театр изрядное время блуждал в поисках и значительного репертуара, и творческих путей, и надежного художественного руководства. За этот знаменательный год, особенно в нынешнем сезоне, театральный коллектив под руководством нового главного режиссера, заслуженного артиста БАССР К. Х. Шахбазиди добился в своем творчестве определенных сдвигов. Содержательнее, глубже по своему идейно-художественному звучанию стал репертуар. Меньше ставится серых, проходных пьес. Обогатился театр интересными актерскими работами. Спектакли ставятся обдуманнее, с более строгим вкусом, оформляются выразительно.

В текущем сезоне создан ряд полноценных спектаклей. Особенное значение приобрели постановки, посвященные нашей советской действительности. Драма А. Андреева и

Б. Бортко «Рассудите нас, люди», «Дневник женщины» К. Финна, пьеса В. Мильчакова и актера нашего театра Н. Теньгаева «Таких шадигь нельзя», комедия Б. Ласкина «Время любить»—все эти вещи с разной степенью удачи выражают образ нашего современника, ставят острые общественные вопросы. Скоро увидят сцену такие проблемные пьесы советских драматургов, как «В день свадьбы» Виктора Розова и «Совесть» В. Токарева и Д. Павловой.

Пристальное внимание зрителя привлекает спектакль «Рассудите нас, люди», где так полно проявилась подлинная победа положительного героя. Это драматическое произведение, посвященное людям труда с легкой судьбой, проникнутое философскими раздумьями, получило убедительное сценическое воплощение. Спектакль отмечен значительными актерскими достижениями. Артист А. А. Белокрыкин сумел изобразить своего героя бригадира каменщиков Петра Гордиенко человеком красивым и идейным.

Заслуженная артистка РСФСР А. К. Бокова создала обаятельный и очень правдивый образ простой работницы Анки. Столько доброты, столько душевной щедрости излучает

эта непосредственная девушка, что с ее появлением на сцене словно веет теплом.

И вот эти образы людей большой души как бы образуют своего рода портретную галерею, которая проследит за жизнью многих постановки. Возьмем, скажем, спектакль «Дневник женщины». Пьеса далеко не безупречна. В ней не хватает цельности, единства замысла. Важное и незначительное, типичное и случайное здесь как-то странно и претенциозно переплетаются. Тема труда, жизни на стройке в какой-то мере заслонена чисто любовным треугольником. И все же в спектакле звучат сильные актерские работы. Интересен образ инженера Елизаветы Никандровны, созданный О. В. Денисовой, образ советской женщины нового типа. Актриса играет свою героиню с большой творческой фантазией, подлинно живым чувством современности. Она наделяет ее оригинальным умом и душевным богатством. Она окрыляет ее страстными порывами к героическим свершениям и вместе с тем не делает ее напыщенной, нигде не засушивает, не лишает ее ничего человеческого, земного.

Крупные характеры свободно и очень естественно раскрыты Н. А. Теньгаевым (начальник строительства Порогов) и Д. С. Лосиком (полковник Фомина). Эти образы как бы входят в названную нами портретную галерею большого современника.

Образ Фомина задуман драматургом более сложно. Поначалу это просто веселый, выдавший виды офицер. Но постепенно, не навязчиво Лосик изнутри приоткрывает второй план роли. Зритель убеждается в самоотверженности Фомина, в его готовности к подвигу и к большой любви. И все это благородное совершается у полковника—Лосика без тени рисовки и самовлюбленности, как-то небрежно.

Кроме уже названных крупных по объему ролей, запоминаются, разумеется, и другие работы этого плана. Это и Б. А. Соломонов—генерал («Рассудите нас, люди»), и молодая актриса Л. Л. Швырева, сыгравшая с огоньком свою озорную и опять-таки скрытно добрую Машу («Время любить»), и те другие оптимистические, жизнерадостные образы, которые духовно нас обогащают.

Однако было бы неверно сводить все достигнутое театром только к деятельности в сфере современной тематики. Театр творит в разных репертуарных направлениях. Не без успеха ставит он русскую дореволюционную классику. Пока из этой области показано только два спектакля: «Дети Ванюшина» С. Найденова, и «Снегурочка» А. Островского. Обе постановки значительны и являются весомым вкладом в культурную жизнь нашей области.

Драма «Дети Ванюшина» впервые была показана в самом начале века и в некотором роде продолжала традиции драматургии Островского. В ней изображен обветшалый быт купеческой семьи и уже ощущается угасание класса, сходящего с исторической арены. В этом смысле она явилась предтечей революционных пьес Максима Горького и, думается, что она особенно близка к «Мещанам». Конечно, пьеса Найденова уступает «Мещанам» в глубине философского осмысливания действительности и остроте социальных характеристик, но историко-литературная

ценность ее бесспорна. Поставив эту в какой-то степени забытую пьесу, театр тем самым расширил кругозор зрителя в познавательном отношении. Спектакль сделан добротно и основательно. Внутренний образ купца Ванюшина, главы гибнущей семьи (правда, не в очень новой трактовке), создал Д. С. Лосик. Заслуженный артист ТАССР В. И. Плещинов наглядно продемонстрировал свою способность к актерскому перевоплощению, представив в живописном гротеске заливчатого купца Красавина.

Но особенно врезается в память зрительская сцена, проникнутая той страшной тоской, в которой гибнут обреченные. Успеху этой сцены во многом способствовала игра Л. П. Степановой и О. В. Бабенко. С сатирической беспощадностью Степанова изобразила молодую светскую девицу, в которой неизвестно чего более: надменности или разврата. Бабенко очень точно исполнила роль ее матери генеральши. Таким образом, спектакль в какой-то степени приоткрыл некоторые новые стороны в игре актеров, в их творческих возможностях.

Особое место в репертуаре заняла довольно необычная пьеса «Снегурочка», пронизанная мотивами русских народных сказок и раскрывающая все красочное богатство языка народа. В условиях периферийного не музыкального театра было совсем не просто поставить спектакль, где такую большую роль играет музыка, вокальные номера, сложное художественное оформление. Артистический ансамбль под руководством режиссера заслуженной артистки РСФСР Н. С. Федоренко и художника Н. С. Луговской сделали спектакль красивым и интересным. Художник проявил верное чутье и много тонкого вкуса в живописном выражении самой идеи пьесы, сочетав сказочную атмосферу с реалистической основой сюжета.

Надо отметить и ряд других актерских удач: Денисова—Весна; Туйметов—Бобыль, Васильева—Снегурочка. Особенно мастерски сыграла А. Г. Штынова роль Кулавы. Здесь проявилась наиболее полно та зрелая артистическая культура, которая на протяжении многих лет работы Штыновой во Владимирском театре просвечивается все более яственно. Ведь данная роль, изобилующая жалобами, слезами, порывистыми движениями, могла легко приобрести на сцене мелодраматический характер. Чувство меры помогло актрисе найти нужный тон, и в результате изображены не сентименты, а подлинное страдание, поруганная человеческая честь.

К сожалению, глубокого подхода к искусству, бескомпромиссной выскательности не всегда хватает как отдельным исполнителям, так и режиссуре. Есть у театра в этой части досадные просчеты. Думается, что он

И. Соболева или «У себя в плену» М. Смирновой и М. Крайндель. «Смертный приговор», задуманный как трагедия, на деле превратился в очень уж монотонную мелодраму без развития главных образов, без интересных мыслей. Пьеса не заставляет думать. Справедливо отмечалось в печати, в пьесе «У себя в плену» тема решается схематически и прямолинейно. Зло и добро так наивно разложены по полочкам, что зрителю ничего не остается другого, как только глотать разжеванные прописные истины.

Уместно, нам кажется, поставить перед театром и более сложные вопросы. Создание монументальных образов современности, насыщенных новыми глубокими идеями,—очевидно, еще дело будущего. Хотелось бы видеть больше творческих дерзаний, смелой актерской фантазии, больше граней в создании характеров, психологического проникновения в роль. А ведь вместо этого актер нередко просто-напросто переносит уже отыгранные образы в новый спектакль. На совсем иной жизненной почве оперирует старыми изобразительными средствами. Фактически в этом случае актер играет не предлагаемую драматургом роль, а себя в предлагаемых обстоятельствах. Одним словом, штампы—это все еще та опасность, которая не до конца преодолена театром.

В решении этих задач возникает, естественно, немало важных и сложных проблем. Скажем, метод распределения ролей. Как это делать? По принципу равномерной занятости актера или по его склонностям и дарованию в зависимости от художественной линии режиссера? Нам кажется, что в первом варианте это будет просто порочная уравнилельная система, которая не может способствовать дальнейшему росту театра и развитию творческих индивидуальностей.

И вот помочь театру, режиссуре в отстаивании тех или иных принципиальных вопросов в формировании репертуара, в осуществлении единой художественной и идейной линии призван художественный общественный совет. Однако деятельность этого совета оставляет желать лучшего. Из двадцати трех его членов практически работает не более трех-четыре человека. Такие авторитетные организации, как отделение Союза писателей, кафедра литературы пединститута, редакция газеты «Комсомольская искра», обком комсомола и литературные критики почти не принимают участия даже в обсуждении премьер, не говоря уже о помощи театру в его поисках.

Нет сомнений, что способный артистический коллектив может подняться на новую, более высокую ступень творчества. И долг общественности — помочь театру в решении еще более сложных и ответственных задач.

М. ЭИДЕЛЬМАН.